

Профессиональные художники, работавшие в технике акварельной живописи, даже внутри художественного сообщества во все времена ощущали себя некой обособленной группой. И не по собственной воле, а в силу противоположных обстоятельствам. Дело в том, что акварели долгое время отводили роль искусства вспомогательного, пригодного для картографии, подготовительных работ к станковой живописи, росписям, для создания эскизов к театральным декорациям и костюмам. Или же она занимала место домашней забавы — семейные портреты, альбомные рисунки, усадебные пейзажи с крестьянками. Конечно, с течением времени все это акварельное наследие обрело свою историческую и художественную ценность, но весь девятнадцатый век акварелистам приходилось отстаивать право на имя художника, совершенствовать технику письма и оттачивать мастерство, расширять круг тем, мотивов и сюжетов акварельной живописи. И произведения Александра Иванова, Михаила Врубеля, Валентина Серова, а затем и художников общества «Мир искусства» остались в истории акварели подлинными шедеврами. Они превратили акварель в искусство утонченного вкуса и высокого мастерства.

Ну а в двадцатом веке — другая напасть: фабричные акварельные краски, что называется, ушли в народ, и акварельное письмо стало занятием массовым — детским, школьным, любительским. Все это, конечно, и хорошо с точки зрения эстетического просвещения, но станковым акварелистам опять пришлось защищать свою технику от второсортности, дилетантизма и любительщины. В такой ситуации мастера акварели были вынуждены (официально и неофициально) объединяться в своего рода профессиональный цех, подобный средневековому монашескому или рыцарскому ордену, чтобы хранить и развивать акварельную живопись во всей ее классической чистоте, виртуозном блеске и великолепии.

И творчество Владимира Олейникова, который вот уж несколько десятилетий остается верен искусству акварели, в основном написанной «по сырому», на сегодняшний день не только широко известно и любимо в Приморье и на Дальнем Востоке, но и в России. Помимо того, что за его плечами множество коллективных и персональных выставок, произведения автора участвуют в редких, но оттого и весьма престижных международных и российских выставках и биеннале акварели. И среди них Всероссийская выставка в городе Кургане, что проводится в последнее десятилетие. Надо сказать, что отбор работ там происходит строжайший, в расчет берется не только художественное качество произведений, но и традиционная чистота техники, то есть принимается только акварель в ее классическом виде, без каких бы то ни было технических примесей, вмешательств и фокусов — только бумага, вода, кисть, акварельные краски.

В кругу мастеров акварельной живописи, как в любом профессиональном содружестве, живет свой язык, своя мифология и шутки. Так, например, они любят вспоминать слова деда Щукаря из романа Михаила Шолохова «Поднятая целина», когда этот народный персонаж толкует некоторые иностранные слова: «Акварель» — это хорошая девка, так я соображаю, а «бордюр» — вовсе даже наоборот, это не что иное, как гулящая баба». Как подтвердил бы каждый из художников, в том числе и Владимир Олейников, акварель — девка, конечно, хорошая, но очень капризная. Акварель, при всей своей внешней доступности, — это техника, ускользающая при малейшем грубом с ней обращении, неуступчивая с теми, кто пытается овладеть ею нахрапом и совершенно неотзывчивая к тому, кто не чувствует всем своим существом ее нежную тайну, ее влажное и мягкое мерцание. Акварель — субстанция поэтическая и требует для себя поэта. Говоря иными словами, она открывается только избранным, и Владимир Олейников из их числа. А сколько любви, внимания, терпения и профессионального труда нужно, чтобы десятилетиями держать акварель в руках, известно только самому художнику.

Но зато всем ценителям акварельной живописи и творчества Владимира Олейникова доступны и совершенно открыты произведения автора, которых на его персональной выставке «Высокое небо Майхэ» представлено более шестидесяти. Думаю, необходимо пояснить, откуда в имени выставки, как и во многих названиях работ, появилось это воздушное китайское слово. До шестьдесят девятого года прошлого века две реки, синеющие в Шкотовской долине Приморья, назывались Майхэ и Батальянза. На берегах этих речек прошло детство художника, которое, как мне видится, и стало неиссякаемым источником, питающим искусство Владимира Олейникова. И называть Майхэ — Артемовкой, а Батальянзу — Кневичевкой у него, понятно, не поворачивается язык, он не может изменить детству, оно не переименовывается. Книгу своих воспоминаний о детстве, родителях, всей большой семье Олейниковых, в которой было десять детей, размышлений об искусстве автор тоже назвал «Майхэ». Кстати говоря, эта исповедальная книга бросает дополнительный свет и на творчество, дополняет его житейскими, весьма драматичными, а потому философскими деталями.

В своих пленэрных путешествиях художник забирался во многие уголки Приморья. Он всегда любил писать побережье, с его скалами, маяками, галькой и песком пляжей и особым коричневато-перламутровым воздухом, его увлекали таежные ключи и речки с их цветной игрой воды, света и густых теней, его завораживали тихие улочки и окраины таежных деревень. На выставке есть произведения, написанные и на Урале, где он вместе с другими акварелистами страны работал на пленэре, и в центральной части России. Но родина его акварели — это, конечно, Шкотовская долина и ее окрестности, это Майхэ и Батальянза в любое время года. И картина «Небо над Батальянзой» вполне может выступать неким эталоном, образом и самого Приморья, и акварельного искусства автора. Работа выдержана в сдержанных зеленых, коричневатых и серых тонах, с помощью которых художник тончайшим образом выстраивает перспективу и пространство пейзажа — от сопки на первом плане, светлых излучин реки до горной гряды на горизонте и высокого облачного неба над всей долиной. В картине нет и намек на какой-либо внешний броский эффект, чего акварель, в общем-то, в умелых руках позволяет, она полна воздуха, благородного сияния цвета, особой акварельной тишины и той светлой печали, что отличает в мировом искусстве именно русский пейзаж.

Мне представляется, что каждый настоящий пейзажист, а уж тем более художник, работающий с акварелью, постепенно развивает и в себе, и в творчестве, а конкретно, в стиле, некое шестое чувство — чувство времен года, которое с особой выразительностью было присуще древнему восточному искусству. Особенно его

культивировали живописцы и поэты: сезонные стихи, сезонные картины — все это имело прочную и естественную связь с течением времени, жизнью природы. В акварелях Олейникова осень, зима, весна и лето — это не просто листопады, снежные метели, первые проталины, клейкая зелень на опушках или летние туманы и расцветающие ирисы. Каждое время года откликается в его работах своим ритмом, цветовой композицией листа, общей атмосферой и акварельной музыкой, на которую работает все — выбранный мотив, отобранные приметы и детали пейзажа или натюрморта, фактура письма и, конечно же, цвет, гармония колорита. Можно сказать, у художника для каждого времени года своя манера письма, они индивидуальны.

Вот осень: порывавшая поляна перед деревенским домом с пристройками и чуть намеченные кистью зелено-оранжевые, мягкие и тающие в голубом бесконечном небе бабьего лета купы деревьев, тишина с золотистым отливом и тихий покой, разлитый в мире. Вот зима: она обладает в акварелях своим снежным запахом, когда даже слышится шорох льдистого воздуха, как, например, в картинах «Серый февраль» или «Морозный день». Вот весна в работе «Проталины», еще пока и не весна, а еле заметные ее приметы: пяточки земли на все еще белом поле, чуть вспыхнувшие верхушки ветвей и теплое лиловое свечение дальних сопот. Вот лето в «Этюде с одиноким деревом», написанном быстро, на одном дыхании, чего, собственно, и требует акварель, где солнечная зелень склона и свободно парящего над ним дерева сияют прозрачным тонким светом.

Натюрморты художника тоже чаще всего связаны с временем года, потому что и натюрморт для него — это живое проявление природы, образ той или иной е поры. Желтый букет в глиняном горшке и розовый нежный ломоть дыни еще полны цвета, сока и зрелого света, а вот букет в «Поздних цветах осени» уже дышит холодком, подсушенный ветром и скудным солнцем, что пленительно подчеркивают роскошный отблеск вазы и серо-голубая льняная скатерть, сверкающая складками и углами.

И здесь надо сказать, что мастерство художника, его филигранное акварельное письмо, может быть, с особой силой притягивают в его миниатюрах. Эти работы, что без оформления вполне уместятся в ладони, исполнены изящества и вкуса, именно к ним особенно подходит такое определение, как произведения искусства, настолько они самостоятельны и цельны.

Неизвестно, какой цвет царил в мире в первый день творенья, но, когда я смотрю на картины Олейникова, мне представляется, что белый, потому что с белого листа бумаги начинается акварель. В своей книге автор вспоминает дорожную для себя серию, которую он назвал «Белый март». «Прекрасно работалось от белого», — замечает он. И завершает главу простыми словами, в которых душа акварели: Белый снег. Белый март. Белый лист. Белый свет.

